

Борьба рабочих в мире

Забастовки в Бангладеш

(II)

Борьба в октябре – декабре прошлого года в Бангладеш в отрасли RMG (Ready-Made Garment, готовая одежда) стала продолжением конфликта вокруг требований, который, хотя и прерывался, никогда не прекращался в этой отрасли в последние годы.

RMG – это одежда средней и низкой ценовой категории, которая, будучи маркированной самыми известными брендами, попадает на рынки Европы, США и Японии. Смежная упаковочная промышленность сильно сконцентрирована в промышленных зонах Дакки и Читтагонга: несколько тысяч производств, более 4 млн рабочих, в основном женщин. Это сильная концентрация рабочих, сформировавшаяся всего за несколько десятилетий в стране, которая всё ещё классифицируется как одна из *наименее развитых* – самый низкий уровень среди “развивающихся” стран.

Истоки швейной промышленности

В Бангладеш проживает более 170 млн человек, но темпы роста населения резко замедляются, коэффициент рождаемости составляет около 2,0 ребёнка на женщину, а возрастная пирамида начинает сужаться у основания. Именно в эти годы происходит накопление “демографических дивидендов”, что является очень благоприятным периодом с точки зрения наличия молодой рабочей силы. Кроме того, продолжается интенсивная миграция из деревни в город – по оценкам, более 1 млн человек в год, часть из которых уезжает за границу, особенно в страны Персидского залива, а также в Европу и особенно в Италию (сельское хозяйство, судостроительные верфи). Темпы роста ВВП в этом веке были высокими: 5–7 % в год; число наёмных рабочих можно оценить примерно в 30 млн человек. Грамотность растёт, но всё ещё достигает лишь 75 %.

Большой вклад в развитие страны внесли текстильная и швейная промышленности, особенно последняя, сконцентрированная на RMG – секторе с низкими капиталовложениями и очень высокой плотностью рабочей силы, как правило, женской, примерно восемь из десяти. Тем не менее этот сектор обеспечивает более 80 % экспорта: его объём достиг 50 млрд долл. в год и стремится к 100 млрд долл. в течение десятилетия.

После отделения от Пакистана в 1971 г. новое правительство стимулировало иностранные инвестиции в трудоёмкие отрасли; однако за первыми южнокорейскими инвестициями не последовало многих других, и рост текстильного, и особенно швейного, сектора основывался на внутреннем капитале и сильных государственных стимулах, которые сохраняются до сих пор. Экспорт, на который с самого начала было направлено производство, смог выгодно вписаться в растущий мировой рынок дешёвой готовой одежды 1980-х и 1990-х гг. Бум произошёл благодаря возможности занять, возглавить и затем расширить эти торговые площади, конкурируя и соперничая с южными регионами Китая (такими как Гуандун), Камбоджей, Вьетнамом и другими азиатскими странами. Важным ингредиентом является низкая стоимость продукции, которая определяется в том числе низкой стоимостью рабочей силы.

Как пишет *Dhaka Tribune* (24 декабря 2023 г.), Бангладеш «вырос как феникс» в этом столкновении и, «несмотря на жёсткую конкуренцию со стороны Китая, Вьетнама, Камбоджи и Индии, [...] он пережил экспоненциальный рост», поднявшись на седьмое место в мире как производитель одежды. Как? «Благодаря более низким мировым ценам и низкой стоимости рабочей силы в сочетании с соответствующей политикой».

Бум в XXI веке

Сегодня Бангладеш соперничает с Вьетнамом за второе место по экспорту RMG, а, возможно, уже перегнал его, а лидером является Китай. Но он по-прежнему использует тот же инструмент – более низкую цену по сравнению с другими конкурентами: на 21 % по сравнению с Китаем, на 32 % по сравнению с Турцией, на 27 % по сравнению с Индией (*Dhaka Tribune*, 12 января). Тем не менее ведутся дебаты о необходимости повышения производительности, качества и добавленной стоимости продукции, то есть увеличения инвестиций на одного работника, в том числе и потому, что на рынок RMG выходят другие

страны с ещё более низкой стоимостью рабочей силы (например, Эфиопия). А покупатели, разумеется, не стесняются менять поставщиков изо дня в день.

Отражением этого бума стало быстрое формирование сильного, концентрированного и даже боевого промышленного пролетариата. Вот несколько цифр: в 1983 г. было 50 фабрик, в 1999 г. – 3 тыс. с 1,5 млн работников, сегодня – более 5 тыс. с 4,4 млн рабочих, к которым следует добавить мощное смежное производство. В типичной компании работает 0,2–1 тыс. человек, она гибко реагирует на ритмы *быстрой моды*, широко использует сверхурочные и праздники, чтобы удовлетворить потребности рынка, на котором по-прежнему доминируют крупные западные бренды и их покупатели, которые разрабатывают дизайн “у себя дома” и делегируют только материальное производство, то есть пошив одежды, в конец цепочки поставок. Этот механизм за 10 лет не изменился (см. Вестник “Интернационалист” № 20, март 2014 года).

Картина будет неполной, если не заметить, что, с одной стороны, тип предприятия благоприятствует коалиции рабочих, а с другой – профсоюзы почти или совсем отсутствуют. Это результат более чем десятилетней политики репрессий со стороны сменявших друг друга правительств страны, которые сдерживали и ограничивали их деятельность. Только в последние годы был достигнут некоторый прогресс, в том числе благодаря забастовкам, в основном стихийным. Это испытательный полигон, но на ближайшие годы для молодого бангладешского пролетариата дорога открыта.

ДО И ПОСЛЕ RANA PLAZA

Обрушение здания Rana Plaza в Дакке в апреле 2013 г. стало одной из крупнейших катастроф в истории, за которую наш класс заплатил 1,1 тыс. погибшими и 2,5 тыс. ранеными. И вся ответственность за это лежит на новообразованной промышленной буржуазии, жадной до прибавочной стоимости, которая в этом регионе мира и в этой рыночной ситуации нашла условия для получения неограниченной прибыли. Для этого она использовала несколько факторов. Во-первых, наличие многочисленной рабочей силы, в основном молодой, женской и недавно иммигрировавшей из сельской местности; во-вторых, ограниченные капиталовложения, необходимые для швейной промышленности; в-третьих, почти абсолютное отсутствие каких-либо ограничений, правил и контроля, сдерживающих её прожорливость. Нельзя забывать и о том, что за этой буржуазией и этой индустрией стоят крупные мировые швейные группы, *бренды*, которые также являются покупателями, в равной степени несущими ответственность за всё это, поскольку именно от них поступали и продолжают поступать заказы в этот сектор. И они, очевидно, не могут не знать, что происходит на фабриках, которые для них производят. И вот к череде пожаров и других эпизодов, недостаточно значимых, чтобы попасть в СМИ, добавилось не такое уж внезапное обрушение перегруженного и повреждённого здания, которое, несмотря ни на что, продолжало использоваться – настоящая тюрьма для 5 тыс. рабочих, трудившихся там, в одном из районов мегаполиса Дакка.

После катастрофы начались судебные разбирательства. С экономической точки зрения, это было ненужное уничтожение капитала, даже очень большого, учитывая низкие инвестиции, необходимые для RMG. Но новости и фотографии тут же облетели весь мир, что грозило вызвать феномен отторжения у покупателей готовой продукции, то есть модной одежды, которая почти вся шла на рынки Европы, США и Японии, а, значит, и возможное падение оборота для всей цепочки.

Необходимо было срочно принять меры по исправлению ситуации и возобновить производство. Поэтому правительство и промышленники Бангладеш определили более подходящие правила безопасности промышленных объектов и приняли необходимые меры контроля, которые оказались эффективными, так как сообщения о подобных событиях сократились, хотя, конечно, не исчезли совсем.

Четыре года спустя, казалось бы, всё шло своим чередом, как и до катастрофы, по крайней мере если смотреть издали: «*Швейный сектор Бангладеш продолжил свой бум даже после обрушения Rana Plaza в 2013 году*», – писала в 2017 году лондонская *Financial Times*. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что производство, как ни в чём не бывало, возобновилось, далёкие рынки развитых стран не испытали “эмоционального”

спада, прибыль по глобальной цепочке поставок продолжала поступать, но положение рабочих не сильно улучшилось.

В углублённом британском академическом исследовании, проведённом в 2020 г., утверждается, что, несмотря на международный резонанс проблемы, *«реальность повседневной жизни самых бедных и наименее защищённых слоёв рабочей силы существенно не улучшилась»*. Отсутствует «культура безопасности», профсоюзы не смогли оказать существенного влияния, существует *«фаталистическое принятие сложившихся условий, потому что “так сложилось”*».

В действительности, как мы хорошо знаем, в положении рабочего класса нет ничего фаталистического. Вместо этого существуют отношения силы, которые в Бангладеш и других азиатских странах сегодня неблагоприятны для нашего класса, даже с точки зрения самых основных требований. Это ясно видно из недавнего исследования МОТ (2022), посвящённого швейному сектору в Азии. Низкий рост производительности труда ограничивает возможность снижения затрат и сокращения сроков поставки (что крайне важно для *быстрой моды*, которая обновляется очень часто); это приводит к *«понижательному давлению на заработную плату и условия труда»*. Промышленники в секторе утверждают, что, учитывая высокий уровень конкуренции (т. е. конкуренцию со стороны вьетнамских, камбоджийских и т. д. фабрик), *«даже ограниченное повышение заработной платы может привести к тому, что прибыль исчезнет»*. Это произошло почти 10 лет спустя после строительства Rana Plaza. МОТ делает вывод: *«Бедственные условия труда в этом секторе в значительной степени обусловлены динамикой глобальной цепочки поставок и взаимодействием с ограничениями на уровне страны»*. Это не что иное, как обвинительный акт в адрес всей производственной цепочки RMG: от западных брендов на вершине цепочки, покупателей, которые плетут бесконечные нити производства, эксплуатируя международную конкуренцию с помощью низких цен, до местных швейников, которые ущемляют зарплаты и условия труда, чтобы сохранить свою прибыль, называя при этом *«кровососами»* лицемерные бренды, которые при этом распределяют между ними работу и получаемую прибыль.

Скудные хроники сообщают о широкомасштабных забастовках в декабре 2010 г., в 2014-м, в 2016-м, в декабре 2018-го, январе 2019-го и т. д.; все они имели какой-либо общий знаменатель – требования заработной платы и защиты от увольнений. Особенно сильными были забастовки в декабре 2016 г., когда произошли тысячи увольнений и аресты десятков рабочих и представителей профсоюзов, а также декабрьские забастовки 2018-го и январские 2019 года, опять же с массовыми увольнениями.

Май 2024 г.